

Издание под солидным заглавием "Труды" обычно содержит, как правило, некое собрание ранее уже опубликованных работ автора, с максимально возможной полнотой подводящее итог его творческой деятельности. Сказанное не имеет отношения к данному изданию, опубликованные здесь работы А.С. Ахиезера публикуются впервые. Некоторые исследования могут служить раздел под заголовком "Об особенностях современного философствования. Взгляд из России". Он включает в себя ранее опубликованные статьи автора. Их объединение выглядит весьма органичным, в своем новом ракурсе исследование получилось цельным, дающим возможность увидеть дополнительные обобщающие смыслы данной работы в целом.

Авторская концепция философствования нацелена на углубление представлений о роли и месте культуры в обществе, о значении специфики культуры личности, общества для специфики решений, для всех результатов деятельности людей. Культура рассматривается А. Ахиезером, с одной стороны, как организованный исторический опыт. С другой, она результат освоения субъектом сложившейся культуры, т.е. превращение накопленного культурного богатства в содержание мышления, сознания, деятельности. Этот переход (он называется также "сферой Между") постоянно находится в центре внимания автора. Переход рассматривается в предлагаемой А. Ахиезером концепции не столько как перенос, экстраполяция, "отражение" культуры, сколько как активный процесс переосмысления, как интерпретация культуры, сложившегося опыта. Эта способность субъекта занимает важное место в концепции автора. Она включает, во-первых, рассмотрение субъекта как несущего ответственность за освоенную культуру, т.е. как антипода известной идеи смерти автора. Фактически каждый человек, с точки зрения А. Ахиезера, выступает в функции автора культуры. Чем сложнее подлежащие решению проблемы, тем больше должна углубляться эта функция. Во-вторых, переосмысление культуры включает следование исторической инерции, стремление ее копировать, экстраполировать на новые явления. Но одновременно каждый человек несет в себе определенный потенциал критики культуры, к качественным сдвигам в ней. Это внутреннее противоречие субъекта, его двойственность стимулируют философствование, понимаемое А. Ахиезером как поиск "меры критики" (с. 397), меры соотношения между этими аспектами воспроизводства культуры. В-третьих, этот подход к субъекту можно рассматривать как определенный ключ к пониманию механизма динамики философствования.

Очевидно, что такая позиция автора несет в себе позитивное отношение к концепциям, акцентирующим внимание на развитие активности субъекта, прежде всего, к диалектическому философствованию. Исходный принцип философствования А. Ахиезера заключается в способности человека формировать свои способности, отвечать на усложнение проблем, их формулировать и разрешать на всех уровнях общества. Философствование выступает

как высший обобщающий уровень этой способности, ориентированный, скорее, на субъективные способности, чем на объективные ее условия и средства. Сами условия, средства рассматриваются через способности субъекта их воспроизводить, изменять их потенциал.

Складывается впечатление, что сверхзадача философствования в "Трудах" нацелена на наращивание социокультурных способностей. В их понимании автор в значительной степени следует Канту, который, как известно, концентрировал внимание на способности суждений. Способности Ахиезер рассматривает не с психологической точки зрения, а как накапливаемое богатство культуры, которым владеет субъект, ответственно в рамках своей культуры оперирует.

Выдвижение на первый план категории способностей субъекта позволяет автору выдвинуть концепцию истории философствования как фактической истории осознания человеком своих способностей, их ценности, как всеобщей характеристики способности "человека к самоизменению, саморазвитию". Ахиезер пытается дать общую историческую и логическую схему истории философствования. "Центр тяжести философствования смещается от выявления некоторой основы всего множества вещей, явлений к анализу основы человеческой деятельности (т.е. от субстанции в ее особой форме, например, воды, огня, к субстанции в ее всеобщей форме. — *Авт. рецензии*), а затем — к анализу ее возможностей, к анализу возможностей развития возможности, к исследованию мира и всех форм реальности с точки зрения способности человека искать и изменять меру своих исторически сложившихся способностей, способностей превращать возможности в реальное содержание культуры, системы отношений, в предметные формы" (с. 355). Трудно безоговорочно присоединиться к этой точке зрения, как и трудно возражать против нее. Беспорно, однако, что в принципе этот взгляд на философствование уходит корнями в диалектическое понимание человека как субъекта философствования, как субъекта способности постоянно критически двигаться мыслью и деятельностью в их амбивалентных отношениях. Наверняка было бы трудно переписать историю философии в соответствии с этим представлением, но этот ракурс рассмотрения развития вносит важный вклад в понимание логики исторического процесса философствования.

Эта точка зрения позволяет также бросить взгляд на представление автора о характере, специфике философствования среди других форм духовного творчества. Философствование, по Ахиезеру, не тождественно науке, т.е. оно противостоит сциентизму, который, кстати говоря, довольно распространен в нашей вузовской философии. Вместе с тем, философия не противостоит науке, как это довольно модно считать на Западе. Отношение философии к науке в "Трудах", скорее, можно характеризовать понятием амбивалентности, направленным на переходы противоположностей друг в друга.

При этом исключается абсолютизация их тождества, а также их противоположностей.

Большое значение категории "Между" говорит о тяготении автора к традиционному прошедшему через века диалектическому методу, нацеленному на формирование синтеза противоположностей и даже на поиск "меры синтеза" (с. 150). Автор показывает, что, идя этим путем, философия может решать свои задачи, вырабатывать новые более глубокие смыслы, обеспечивающие более эффективные решения. В этом суть социокультурной концепции, которую формулирует автор. Ее специфика в том, что она переносит центр тяжести изучения общества на переходы, на отношения между культурой и общественными отношениями. В этом отчетливо видно не только влияние диалектики. А. Ахизер обращает внимание на сущностное единство метода формирования нового смысла через преодоление противоположности полюсов дуальных оппозиций и диалектического метода. А. Ахизер соединил диалектический метод и научный метод работы с культурой в единое целое. Этот синтез и лежит в основе социокультурной теории, которая рассматривает общество как непрерывный переход через диалоги, как постоянное бесконечное смыслообразование, которое лежит в основе действий людей, воспроизводства общества, формирования решений. Философствование при этом рассматривается как обобщающий уровень этих процессов, критический поиск новых путей диалогизации, смыслообразования.

Вошедшая в "Труды" монография "Катастрофы в природе и обществе как нравственная проблема (на историческом опыте России)" представляет собой попытку реализации важнейшей идеи А. Ахизера о культурном, нравственном основании любой значимой деятельности. Эта концепция показывает исключительно важное место нравственности в объяснении общественных, социокультурных процессов. Автор рассматривает нравственность как важный, возможно, главный аспект культуры, т.е. как основание для формирования отношений людей в их динамике. Эта идея пронизывает все работы А. Ахизера. Наиболее обширная работа, из включенных в "Труды", раскрывает сущность социокультурных катастроф, точнее, нечто общее, характерное для любых опасностей, реально и потенциально угрожающих людям. Этот подход анализирует опасности не столько с точки зрения их причин, сколько с точки зрения способности или неспособности им противостоять. В качестве опасностей рассматривается "все угрожающее катастрофой, все вредное и опасное как результат их (людей) неспособности, точнее, недостаточной способности, этой опасности противостоять" (с. 163). Этот подход можно рассматривать как логическое завершение идеи отношения человека к миру как к своей сфере ответственности, квалификации, профессиональной деятельности. Такое отношение включает доведение до крайнего напряжения личной ответственности за повышение своих способностей в соответствии с возрастающими опасностями, как общими, так и специфическими. "Смысл жизни субъекта превращается в смысл его самоизменения, становящегося предметом его особой заботочности" (с. 164). Стоящая перед человеком задача доводится до высшего уровня философских обобщений. Напряженное повышение своего ак-

тизотропного потенциала "является единственным динамичным препятствием гибели человечества" (с. 168). Нельзя не отметить, что такой подход можно рассматривать как пример критики науки. В социологии, а также в задачах экономического воспроизводства на первый план достаточно часто выдвигается необходимость адаптации к обществу, что отодвигает на второй план необходимость развития способности к критике общества, без чего развитие невозможно.

Особый интерес представляет монография "Специфика российской истории". Проблема не только в том, что еще недавно господствующая у нас формационная концепция приобретала форму стимула отрицания специфики развития разных обществ. В советской идеологизированной интерпретации все должны были двигаться в соответствии с "исторической необходимостью" от одной формации к другой. А. Ахизер смещает проблему исторического процесса к фокусу динамики способностей людей отвечать на вызовы истории. "Труды" можно рассматривать как проработку, если угодно, практическую проверку, концепции автора на материале истории России. Впрочем, с таким же правом можно сказать и наоборот, т.е. авторская концепция представляет собой теоретическое обобщение опыта истории страны.

Важная особенность предлагаемой А. Ахизером методологии заключается в выделении им трех основных исторически сложившихся массовых нравственных идеалов. Каждый из них отличается концентрацией особого исторического опыта и, следовательно, разными возможностями вырабатывать культурные программы, эффективные решения. Это, прежде всего, традиционный (вечевой) нравственный идеал, ориентированный на статику; утилитарный, несущий способность превращать все элементы условий в средства, и либеральный, обладающий способностью к саморазвитию в сфере условий, средств и целей. Последний в отличие от двух первых не имеет в России массовой базы, тем не менее ориентирован на достижения мировой культуры, несущей потенциал развития, прогресса. Автор показывает, что после определенного исторического этапа развитие без элементов либеральной культуры невозможно. Это касается любого общества, даже последовательно антилиберального. Различные нравственные идеалы, точнее, группы людей, тяготеющих к каждому из них, формируют историю, хотя, возможно, различным и даже противоположным образом.

Этот подход свидетельствует еще об одном важном аспекте концепции автора. Он заключается в способности этих групп вступать в диалог друг с другом в поиске меры своих отношений в рамках методологической дуальной оппозиции "взаимопроникновение-взаимоотталкивание". Очевидно, что это позволяет оценивать масштабы, глубину диалога или, наоборот, силу взаимоотталкивания, что парализует диалог, угрожает конфликтом, дезинтеграцией. Преобладание взаимоотталкивания автор рассматривает как одну из злободневных проблем российского общества. Его преодоление выходит на первый план среди наших заботочностей обществом. Внушительные масштабы этого взаимоотталкивания в истории российского общества автор рассматривает как значимую его специфику.

Здесь заложен новый важный методологический подход к исследованию общества, основанный на анализе культуры, культуры групп, на анализе противоречий между этими культурами, возникших в истории. Этот подход позволяет в значительной степени определять способности общества устранять реальные и потенциальные опасности. В своем анализе российской истории, результаты которого были опубликованы еще в его предыдущих работах, Ахиезер показал, что в ней имели место четыре имманентные национальные катастрофы, включая две в XX в. Эти события автор и кладет в основу анализа специфики российской истории. Под имманентными катастрофами понимаются лишь те, которые возникают в результате чисто внутренних, а не внешних причин. Национальная катастрофа характеризуется развалом, исчезновением государства, территориальным распадом общества. Анализ катастроф этого типа связан с тем, что специфика истории любой страны включает способность предотвращать опасности, останавливать потоки дезорганизации, необратимо сползающие к катастрофе. Их существование, повторяемость, тенденция к учащению – стимул к усилению озабоченности в обществе недостаточной способностью их предотвращать, стимул озабоченности возможностью превращения их в традицию. Недостаточность массовой озабоченности этим

типом явлений – важная проблема всех трех монографий, опубликованных в "Трудах".

Обращение автора к этим проблемам – доводок к философии. Вспомним, что первая книга А.С. Ахиезера о России называлась "Россия: критика исторического опыта". Масштабы массовой повседневной озабоченности судьбой страны могут рассматриваться как основа поиска меры гражданственности, которая должна быть предметом пристального исследования в качестве пути к определению способности общества решать свои проблемы.

Во всех трех работах, объединенных в единую книгу, речь идет о специфической философской концепции, которая своими корнями уходит в диалектическую традицию, одновременно опирается на осмысление культуры как предмета философии культуры и на методы конкретных наук о культуре, имеющих, возможно, не осознаваемый их авторами, характер конкретизации диалектической методологии. Развиваемый А. Ахиезером на этой основе метод использования дуальных оппозиций занимает значительное место в книге. Он является симптомом возрастающего значения диалектической методологии, подчас скрытого в науке. Нельзя также не отметить, что этот метод открывает новые возможности для прогнозирования социокультурных процессов.

М.И. Лапицкий, А.А. Пелипенко

В.А. КОВАЛЕНКО. Творчество как ценность. Философия природы. М.: Наука, 2005, 278 с.

В этой книге собраны две, хотя и различные, но связанные общими теоретическими установками работы. Первая из них посвящена философскому (по преимуществу аксиологическому) анализу творчества, а вторая – мировоззренческой рефлексии современной естественно-научной картины мира, – той картины, которая не мыслима вне активистской творческой установки, сегодня, разумеется, провозглашающей экологическую ориентированность.

В первой работе "Творчество как ценность" с помощью довольно развитого научного аппарата автор стремится выстроить целостную систему по обсуждаемому вопросу. Вторая работа "Философия природы", скорее, представляет собой материалы к лекциям для студентов. Допуская дидактическую полезность второй работы, я сосредоточил внимание на первой.

Работа В.А. Коваленко представляет собой характерное для "русского космизма" пересечение двух традиций: с одной стороны, это вселенная школьной (или университетской) философии, предстающей как по преимуществу "перевод с немецкого", а с другой стороны, это обращение к русской литературной традиции (Ф.М. Достоевский, А.А. Платонов). К последней примыкает и философский анализ режиссерского творчества Андрея Тарков-

ского. Синтез этих двух традиций выполнен живо, искренне, талантливо и оригинально.

Если говорить о главной мысли, которая делает работу В.А. Коваленко особенно интересной, то она сводится, прежде всего, к выделению и многостороннему осмыслению в структуре коллективного творческого субъекта двух типов. Автор говорит о "диалектически-противоречивом взаимодействии трикстеров и демиургов" (с. 53). Собственно, о такой дихотомии писали и раньше в культурологическом анализе новации и традиции. Многие сочинения советского периода выстраивались на конфликте новаторов и консерваторов. Причем в талантливых производственных романах дело вовсе не сводилось к тому, что новатор безусловно "хорош", а консерватор (который был представлен руководителем того или иного ранга) – безусловно "плох". Хотя новатор в конце концов побеждал, но эта победа являлась результатом его соперничающего сотрудничества с консерватором. Новатор в своем дерзновении оказывался склонным к безответственным предложениям, решениям и поступкам, а консерватор, напротив, сопротивлялся новациям легкомысленного новатора, ибо чувствовал груз государственной ответственности на своих руководящих плечах. Анализ у В.А. Коваленко строится на фундаментальных для его концепции дихотомиях. Хотя, произнося слова о